

К середине 1993 года большинство народных депутатов окончательно утрастило доверие к Ельцину. Их настрой формировало катастрофическое положение дел на местах. Повсеместно всё разрывалось неведь откуда возникшими шустриками типа Гусинского, Березовского, Абрамовича... Производство по всей стране прекратилось, работы ни в городе, ни в деревне не стало, зарплаты, пенсий, стипендий люди не получали годами. Многие голодали и не видели просвета. В окружении Ельцина зрела паника, высказывались самые коварные предложения по нейтрализации растущего протеста масс. Обращали его внимание на этот беспредел и зарубежные кукловоды.

11 сентября 1993 года Ельцин собрал Черномырдина, Бурбулиса, Филатова, Грачёва, Ерина, Куликова, Галушко, Козырева... Они договорились **19 сентября** в воскресенье, когда депутаты разъедутся по избирательным округам, а аппарат будет отдыхать, подтянуть силы омовцев и солдат и блокировать Дом Советов, упразднить Съезд народных депутатов, распустить Верховный Совет. Кто-то из присутствующих на этом сговоре проинформировал Хасбулатова, который тут же собирает Президиум ВС и объявляет аппарату ВС и депутатам **18 и 19 сентября** рабочими днями. Дом Советов в эти дни напоминал растревоженный улей. Тихий захват “Белого Дома” не состоялся.

Вечером **19 сентября** Руслан Имранович собрал совещание депутатов, не выехавших к избирателям, где заявил: “Завтра Ельцин подпишет ряд документов, которые перечеркнут все наши демократические преобразования, а с ними и все надежды на лучшее. В стране будет введен режим единоличной и неограниченной власти. Зарубежные советники и местные клеветы подталкивают его к роспуску Съезда народных депутатов и упразднению Верховного Совета. Поскольку эти меры входят в исключительную компетенцию Съезда народных депутатов, мы должны определиться с внеочередной сессией Верховного Совета, который должен созвать чрезвычайный Съезд. Многие депутаты, – продолжил Хасбулатов, – выехали на места. Окружение Ельцина специально выбрало это время... Давайте обменяемся мнениями”.

Все присутствующие были единодушны в том, что если Ельцин решится и на этот антиконституционный шаг, то пойдёт до конца, вплоть до самых жестоких и кровавых последствий, ибо тяжесть совершаемого деяния беспрецедентна. Поэтому Верховному Совету надо быть готовым к самому худшему. Первый заместитель председателя ВС Ю. М. Воронин в итоге произнёс: “Съезд собрать будет нелегко. Депутатов надо оповещать срочно. Не исключено, что будет дана команда всячески задерживать их выезд с мест. Надо

подтянуть, прежде всего, товарищей из прилежащих к Москве регионов. Действовать надо будет аккуратно, без лишнего звона. Из аппарата к этому делу придёт привлекать не всех”. Хасбулатов поблагодарил присутствующих и попросил держать связь с Ворониным и секретарём ВС Виталием Сыроватко. Ельцин ждать себя не заставил.

21 сентября 1993 года он объявил по телевидению, что им подписан указ “О поэтапной конституционной реформе Российской Федерации”. Первая строка в этом опусе гласит: “В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны”. И далее: “Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая в Верховном Совете обструкция политики всенародно избранного Президента Российской Федерации... со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете... открыто пошло на прямое попрание воли российского народа...” И далее в том же духе. Всё с точностью до наоборот. Винаваты все, только не он. В этом документе проявилась истинная сущность буржуазно-либеральной диктатуры: сплошная ложь, подмена понятий, где зло выдаётся за добро, а чёрное преподносится белым.

По всей России этот Указ был воспринят с тревогой. В Доме Советов всё пришло в движение. Энтузиазма добавил Конституционный суд. В тот же вечер своим заключением он объявил этот Указ антиконституционным и юридически чётко добавил: в соответствии со статьёй 121 (6) Конституции РФ Ельцин этим Указом отстранил себя от занимаемой должности и дал основания для привлечения его к уголовной ответственности.

В 22 часа 30 минут того же дня по телевидению выступил Председатель Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатов. Ссылаясь на заключение Конституционного суда, он объявил, что Ельцин своим Указом № 1400 совершил государственный переворот, а этот указ назвал преступным. Находящимся в здании ВС депутатам официально была дана команда созывать депутатов на чрезвычайный Съезд. Президиум ВС перешёл на работу в непрерывном режиме. Им оперативно и своевременно было подготовлено решение “О приостановлении Указа № 1400”, “О немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина”, “О созыве 22 сентября чрезвычайной сессии Верховного Совета РФ”, поручение вице-президенту РФ Руцкому приступить к исполнению обязанностей Президента, текст “Обращения к гражданам России” и ряд других необходимых для того случая документов.

22 сентября в 0 часов 15 минут открылось заседание Верховного Совета РФ. Оно приняло все документы, подготовленные Президиумом ВС, и они таким образом получили силу Законов РФ, обязательных для всех без исключения граждан России, в том числе и для её Президента. 82 субъекта Российской Федерации из 88 поддержали решения Верховного Совета. Ельцин от такого поворота событий запыл. В его команде воцарился страх и разброд. Председатель правительства Черномырдин и руководитель аппарата Президента Филатов стали лично обзванивать глав регионов и их силовых структур. Они умоляли их поддержать Ельцина.

Верховный Совет, к сожалению, никак не отреагировал на эти и другие противоправные действия. Вместо привлечения к ответственности за понуждение к невыполнению законов, он как и и. о. Президента России Руцкой ограничились словесной перепалкой. Зато со стороны Ельцина карательные меры посыпались как из рога изобилия.

22 сентября им издаётся Указ № 1410 “О присвоении Руцким А. В. полномочий Президента Российской Федерации”, которым все действия вступившего в должность Президента России Руцкого объявлялись незаконными. Изданием этого указа Ельцин ещё раз продемонстрировал, что законы для него не писаны, власть он никому отдавать не намерен и отвечать за свои противозаконные действия не собирается.

Ранним утром **23** сентября министр внутренних дел Ерин, командующий внутренними войсками Куликов, министр обороны Грачёв начали стягивать к центру Москвы подразделения милиции, войск МВД и министерства обороны. Ельцин подписывает распоряжение о передаче охраны Верховного Совета МВД России и приказывает Ерину “взять под охрану здание бывшего Верховного Совета Российской Федерации и находящиеся в его ведении объекты, изъять огнестрельное оружие у лиц, принимающих участие в охране Дома

Советов". Далее последовали Указы об ответственности лиц, противодействующих мерам Ельцина или отказывающихся выполнять его указания, другие акты, развязывающие руки палачам и мародёрам. Черномырдин тут же подписывает подобные распоряжения Правительства.

23 сентября издаётся Указ № 1435 "О социальных гарантиях для народных депутатов РФ созыва 1990–1995 годов". В нём перечисляются очень заманчивые льготы тем депутатам, которые покинут здание Верховного Совета. То был явный расчёт на то, что многие из депутатов позарятся на щедрые посулы. Произойдёт, таким образом, самороспуск Съезда. Ответственность у команды Ельцина за все деяния в таком случае снимается сама собою. Но авторы этого Указа просчитались. Фракции "Коммунисты России", "Аграрный Союз", "Россия", "Отчизна", "Смена" явились на Съезд почти в полном составе.

23 сентября 1993 года открылся чрезвычайный Съезд народных депутатов. На повестке дня один вопрос: "О политической позиции в Российской Федерации в связи с совершённым государственным переворотом". В отличие от всех других съездов повестка дня и порядок работы были утверждены без тяжёлых дискуссий. Постоянные бузотёры-разрушители сняли с себя "демократические" маски. 109 из них дружно перекинулись в стан Ельцина, а многие ещё до этого съезда перешли на "хлебные" должности в Правительстве.

Открывая Съезд, Руслан Имранович заявил: "Вечером 21 сентября Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин совершил государственный переворот". И далее изложил суть Указа Президента "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации", Обращения Ельцина к гражданам России, постановлений Правительства по исполнению его решений и других принятых к этому времени документов, в которых объявлялось о прекращении деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета страны и граждане России обязывались исполнять его противоправные деяния.

Принятые Ельциным документы докладчик расценил как "единоличную ликвидацию всех ветвей власти, концентрацию в своих руках никем не контролируемых и никому не подвластных полномочий, несравнимых ни с одной диктатурой в мире. Эти единоличные действия Президента коренным образом меняют суть государства и статус основных её структур, берут под личный контроль деятельность всех ветвей власти. Это конец всех демократических процессов, в которые поверили наши сограждане".

Далее Руслан Имранович рассказал, как и почему развивалось противостояние Верховного Совета и Президента, и подробно остановился на подлинных замыслах Ельцина, расценив их "как попытку уйти от ответственности за содеянное, начиная с первого дня правления, спасти агонизирующий режим и его воровскую верхушку, которая ограбила 90 процентов населения, доведя его до обнищания, столкнуть людей в дикий криминальный рынок, лишив их всякой социальной защиты". Впервые второе высшее должностное лицо государства, облечённое законотворческим правом, откровенно и честно заявило, что действия Ельцина – это "предательство национальных интересов, желание иметь вердикт Запада на своё дальнейшее существование по осуществлению разрушительных реформ, подчиняющих нашу экономику международным финансовым и промышленным воротилам в качестве сырьевого придатка". И Хасбулатов перечислил меры, которые в этих целях уже осуществлены.

Кроме "шоковой терапии", "грабительской приватизации", многих других мер психологического террора населения, Хасбулатов причислил к разрушительным действиям ельцинистов "августовские события путчистов", назвав их "артподготовкой к нынешнему наступлению". Таким образом, правящий режим сознался в том, что и ГКЧП, и все другие действия были делом его воли и осуществлялись они ради целей развала страны и её порабощения инородцами. Руслан Имранович особо выделил изощрённость, коварство, лживость, мелочность, обман и авантюренность действий Ельцина, Гайдара, Черномырдина, Козырева и их сатрапов ради личной власти, назвав их деяния преступными, от которых идут все беды России. Далее докладчик особо обратил внимание на то, что делается это всё в угоду правящей клике США и мировым финансовым мошенникам, и предложил основательные и конкретные меры по приостановлению курса развала России.

Исполняющий обязанности президента России Александр Руцкой в своём выступлении подтвердил оценки действий Ельцина, данных Верховным

Советом, и клятвенно заверил, что он сделает всё для наведения порядка в стране, привлечения преступников к ответственности.

На волне этих оптимистических выступлений первых лиц государства Съезд приступил к работе. Из 941 депутата, имевшегося в наличии на этот день, в зале присутствовало 638, что составляло 68 процентов. Таким образом, Съезд, как Высший орган власти Российской Федерации, был правомочным решать все вопросы государственной жизни.

Явившиеся на это заседание депутаты как нельзя лучше подтвердили расклад политических сил, который давали политологи по итогам выборов депутатов в 1990 году. По их определению, из 1038 народных избранников либерально-космополитическое крыло, именовавшее себя “демократами”, составляло треть. В их числе наибольшую активность проявляли лица, ранее судимые за антисоветскую деятельность, дети и внуки обиженных в разное время советским государством, всякого рода неудачники с неудовлетворёнными амбициями, и иные люди, по разным причинам ненавидевшие коммунистов и созданную ими социалистическую систему жизнеустройства. Кто-то из них был ранее сориентирован на западные либерально-буржуазные ценности, кто-то поддавался лжи и посулам организаторов “перестройки”, а многие в силу своего невежества и беспринципности готовы были служить любым разрушителям страны, дабы показать себя. Сгруппировавшись ещё до начала совместной работы, они уже на Первом съезде проявили себя спаянной, напористой и весьма наглой силой, добывающей своей цели любыми средствами.

Представители зарубежных центров, которые до этого уже открыто работали с подобного рода народными депутатами СССР, объединившимися в “Межрегиональную депутатскую группу”, без особых усилий нашли подходы к этой части народных депутатов России и умело направляли их деятельность. И вот теперь эта группа депутатов либо разбрелась по “хлебным” местечкам в правительственных кругах и влилась в ряды хищных приватизаторов и грабителей народного добра, либо переметнулась в команду узурпатора Ельцина.

Вторую треть народных депутатов в политологии с давних пор принято считать “болотом”. В ней было немало интересных, образованных и активных людей, искренне желавших реформирования очевидно отстающих от запросов времени догм и порядков, обюрократившейся системы власти и бытовых норм жизни нашего народа. Многие из них поддались как на ложные уловки “перестройщиков”, так и на злобные выпады антикоммунистов. Потребовалось три с лишним года для того, чтобы абсолютное большинство этой части депутатов разглядело сущность перехвативших в стране власть антисоветчиков и всякого рода русофобов, готовых ради корыстных целей служить нашим извечным недругам, мечтающим об удущении России. В те дни октября 1993 года “болото” почти в полном составе явилось на десятый чрезвычайный Съезд народных депутатов России. Вместе с коммунистами, которые, начиная с первого Съезда, по численности и по убеждениям устойчиво составляли треть депутатов, “болото” готово было остановить разрушение страны, консолидировать российское общество и определить перспективу его дальнейшего развития.

Такой расклад политических сил на Съезде обеспокоил зарубежных эмиссаров, которые заполнили к тому времени все основные структуры ельцинской власти. Наиболее значимых из их руководителей начали вызывать в посольства США, Англии и Германии для поднятия духа, консультаций и обещаний заботы о них и их семьях. Многие из побывавших в те дни в западных миссиях начали умолять Ельцина пойти на самые жестокие меры подавления Съезда и всячески помогать ему в этом преступном деле.

В момент открытия Съезда народных депутатов министр внутренних дел Ерин и начальник ГУВД по г. Москве Панкратов осуществили его полную блокаду. Около двух тысяч милиционеров и солдат внутренних войск тремя плотными кольцами окружили территорию Дома Советов и его округу. В 20 часов по распоряжению первого заместителя Черномырдина В. Ф. Шумейко министр энергетики Шафраник отключил Дом Советов от систем света, водоснабжения, отопления и всех видов связи.

Только 24 сентября Съезд народных депутатов назначил министром обороны России В. А. Ачалова, министром безопасности Баранникова В. П., министром внутренних дел Дунаева А. Ф. Начало кое-что предприниматься по организации защиты здания Дома Советов. Руцкой обратился к собравшимся

вокруг здания и толпившимся в разных уголках округа с призывом стоять до победного конца, пообещав объявить всероссийскую стачку, и заявил, что на защиту “Белого Дома” подходят многие воинские подразделения, мобилизованные им.

Назначенные Съездом министры – генералы, известные в Советском Союзе. Они служили на высоких должностях, с которых ушли в депутатский корпус и тем самым утратили связь с действующими частями. Это существенно понизило их возможности, что было незамедлительно использовано командой Ельцина, которая установила связи непосредственно с командирами боевых частей. Мэр Ленинграда Собчак для подкрепления душителей демократии прислал около двух тысяч омонцев. Из Северной Осетии было переброшено более двух тысяч омонцев и солдат срочной службы. Из Саратова в Москву был перебазирован ряд воинских подразделений и состав училища МВД. Подтянуты были силы из подмосковных мест. Причём ударные части ряда этих подразделений были срочно укомплектованы руководящим составом из офицеров и сверхсрочников, засидевшихся в должностях и званиях, над которыми висела угроза демобилизации по профнепригодности. Все эти факторы тогда в решающей мере сработали в пользу душителей демократии.

Заседания Съезда проходили при свечах, иногда в потёмках. Вечерами депутаты собирались в зале Совета национальности, который располагался внутри комплекса зданий и тем самым был безопасным от обстрелов. Многие депутаты проявляли свои таланты: читали стихи, пели, рассказывали забавные истории. В общем, коротали время. Продукты питания тем временем были на исходе. Проблему с водой смягчил шофёр аграрного комитета. По каналам подземных коммуникаций он принёс электропроводку и монтерские когти и в потёмках ночи подключился к уличному осветительному столбу. Кипячение воды в графинах, наполненных водой из сливных бачков, значительно облегчило участь блокадников. Проявили смекалку и многие московские подростки. Они расторопно освоили подземные ходы и все дни доставляли лекарства, продукты, красные знамёна, мегафоны и многое другое.

Завидной была в те дни спайка и оптимизм депутатов и их защитников, разных по возрасту, образованию и роду деятельности. Они не рассчитывали на здравый смысл или гражданскую ответственность Ельцина. Для большинства из них вопрос сводился к патристическим принципам жизни, к непоколебимости собственных убеждений, к русской национальной совести. Эта вера укрепляла их стойкость и поднимала настроение.

3 октября день был ветреным и прохладным. К полудню в окнах Дома Советов слышались шум, вопли, призывы. Из-за зданий мэрии и от гостиницы “Украина” навстречу друг другу двигались нескончаемые потоки людей. Большими группами они пробивались из всех переулков Красной Пресни. По мере приближения этой массы цепи омонцев и солдат стали редеть. Когда колонны приблизились к площади, из окон верхних этажей мэрии и гостиницы “Мир” одновременно раздались выстрелы. Слышались крики, люди шарахнулись в подъезды и дворы прилегающих домов. Раненых они увлекли с собою. Более десятка трупов осталось на мостовой.

Но остановить те нескончаемые потоки людей было уже невозможно. Цепи окружающих мгновенно растворились. Через задний двор мэрии в разные стороны разбежались засевшие в здании омонцы. Колонны тем временем с рёвом и гвалтом заполнили двор Дома Советов и его округу. На открытый подиум вышли Руцкой, Хасбулатов и другие руководители ВС. Они были встречены шквалом приветствий. Их выступления воодушевляли толпу. Она была готова на любые действия. Рядом с автором этих строк оказался писатель В. И. Белов. На вопрос, почему он такой грустный, Василий Иванович тихо ответил: “Чему же тут радоваться, Россию опять омыли кровью”. Немного помолчав, добавил: “Кончится всё это очень плохо”.

Кто-то из ораторов предложил организовать трансляцию митинга по телевидению. Генерал Макашов, без устали маячивший с мегафоном в руке, тут же бросил клич садиться на машины, брошенными омонцами перед мэрией. Многие ринулись туда. Три машины разбили стеклянные двери, и люди рванулись в здание. Не успевшие покинуть мэрию омонцы встретили штурмующих автоматными очередями. Там оказалось много убитых и раненых.

Цепочка машин, с переполненными людьми кузовами и Макашовым во главе, двинулась в Останкино. Вслед за машинами “на захват вражеского

телевидения” ринулось много желающих. Их движение возглавил генерал-лейтенант Б. В. Тарасов.

В огромной массе людей вокруг Дома Советов можно было отыскать посланцев из всех регионов России. Все они добровольно приехали в столицу спасать Россию “от узурпатора и кровососа Ельцина”, “от колонизации нас американцами”, “от вторжения недобитых нашими отцами фашистов”... Раздавались тогда в толпе и более откровенные высказывания.

Поздно вечером из Останкино стали возвращаться люди. Многие рассказывали, что их подход к зданиям телецентра был остановлен пулемётными очередями из окон зданий, залпами гранатомётов и пушек с танков и БТРов, замаскированных в округе. По свидетельству очевидцев, расстрелянных в упор и смятых шараханьем толпы было очень много.

Ближе к ночи 4 октября депутатов созвали на заседание. Все собравшиеся проявили решимость оставаться на местах и выполнять свои обязанности. В этот вечер приняты были многие ответные правовые меры на Указы Ельцина. Тот в свою очередь принял Указ “О дополнительных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве” и “Обращение к гражданам России”, а также приказ Коменданта Москвы об ужесточении блокады Дома Советов.

На то обращение Ельцина следует обратить особое внимание. Оно шокировало своей ложью, подлостью и цинизмом. Начал он его словами: “В столице России гремят выстрелы и льётся кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого Дома, сеют смерть и разрушения... Мы не готовились к войне. Мы надеялись, что можно договориться, сохранить мир в столице. Те, кто пошёл против мирного города и развязал кровавую бойню — преступники...” “Дальше шли угрозы и заявления, что он пойдёт напролом. И это в то время, когда ни одного выстрела не раздалось тогда со стороны защитников народной власти. Ни одному арестованному депутату или защитнику ни в то время, ни потом не было предъявлено обвинения в применении в те роковые дни оружия. И это ещё одна мерзкая и коварная ложь Ельцина и его подельников, красноречиво раскрывающая сущность буржуазного либерально-рыночного режима власти, внедрённого в нашу жизнь.

Ночь на 5 октября в здании Дома Советов и его внутреннем дворе была предельно тревожной. Напряжённо ожидалась развязка. На рассвете все вскочили со своих мест от шума бронетехники, оружейных залпов и пулемётных очередей. Четыре боевых машины пехоты, рассеявшие цепочку безоружных защитников, дежуривших по периметру ограды, буквально утожили двор, без разбору поливая всё непрерывными очередями из пулемётов. Те защитники, что отдыхали у тлевших костерков, ринулись в разные стороны, столпились у дверей. Не успевшие уклониться оказались под градом пуль.

Многие депутаты ринулись во двор. Коридоры здания были изрядно задымлены вонючей гарью, залиты водой из систем отопления и засыпаны битым стеклом. Выстрелы прямой наводкой из танков, цепочкой расположившихся вдоль Смоленской и Краснопресненской набережных, изрядно покорёжили верхние этажи Дома Советов. Внизу, в просторном холле двадцатого подъезда суетилось много народа: одни на коврах и дорожках заносили трупы и раненых, другие оказывали им помощь, третьи в панике бегали из угла в угол. Длилось это побоище более часа. Двор и прилегающая округа затем опустели, цепи блокады были перенесены к Садовому кольцу.

В середине дня депутатов пригласили на заседание Съезда. Ход его прервали двое незнакомых депутатам лиц. Старший представился командиром специального подразделения “Альфа” полковником Сидоровым. Он объяснил, что им поступил приказ занять здание Дома Советов и очистить его от людей. “Этот приказ, — твёрдо заявил он, — мы выполним. Опыт у нас есть. Чтобы не допустить жертв, мы просим вас проявить благоразумие и выполнять все мои команды. Выходить из здания следует организованно, небольшими группами в сопровождении наших товарищей. У выходов из здания будет транспорт, мы развезём вас до метро и автобусных остановок. Безопасность каждого депутата и пришедшего поддержать вас гарантируем. Тот, кто попытается выйти самостоятельно, имейте в виду, в зданиях гостиницы “Мир” и прилегающих к Дому Советов находятся снайперы, они не наши. У них фотографии депутатов, стрелять будут на поражение”. Закончил он свою речь словами: “Вам даётся два часа, примите верное решение. Не усугубляйте проблему”.

Депутатов прорвало. Развернулись бурные дебаты. К трибуне подошли Хасбулатов и его замы. Руслан Имиранович объявил, что он и члены Президиума ВС согласятся с любым решением, которое примут сидящие в зале, но настоятельно попросил подумать о последствиях. О том, что происходит в Москве и регионах России, никто ничего не говорил, хотя Москва в эти часы повсеместно бурлила и большие толпы народа, возбуждённого злодеяниями Ельцина, готовы были двинуться на выручку депутатов.

Около 16 часов в зале вновь появился полковник Сидоров. К этому времени у депутатов созрело решение покинуть зал. Десятка полтора стройных молодых ребят, вошедших в зал с полковником, группировали депутатов, сотрудников и защитников ВС и направляли в разные стороны здания. Автор этих строк оказался в группе, которую пустили через балконную лестницу зала палаты национальности. На выходе в центральный холл меня выхватил из колонны здоровяк и поволок к центру. Там стояли человек шесть в штатском.

— Вот он, Полозков, — доложил мой конвоир. Самый высокий из них, стоявший посредине, очень похожий на Коржакова, приблизился и остервенело сорвал значок депутата с лацкана моего пиджака. Затем обшарил карманы, вытащив депутатское удостоверение и остальные документы, и передал подбежавшему к нему юнцу.

— Туда его, — указал этот громила пальцем в левое крыло здания. Один из сопровождающих буквально толкнул меня внутрь кабинета. Там уже находились генералы Дунаев, Ачалов, Баранников, Тарасов и Колтунов. Здесь нас продержали недолго. Вошедший “вежливый” молодой человек предложил следовать за ним. Он подвёл нас к выходу с северной стороны здания, открыл узкую дверь заднего люка БМП, подогнанной вплотную к дверному проёму. Высадили нас во дворе какого-то опустевшего предприятия. В центре стояла группа людей. Среди них я узнал лишь начальника управления КГБ по Красноярскому краю генерала Сафонова.

Мне было велено пройти в крайний автобус. Там уже сидели генералы Тарасов и Колтунов, депутаты Евгений Тарасов, Михаил Челноков, Юрий Сидоренко и Александр Вешняков. Кроме них в салоне располагались старший лейтенант и три солдата с автоматами и собакой. Не успел я ещё усесться, как меня вызвал генерал Дунаев. Отведя в сторону, он сказал: “Всех нас везут в Лефортово. В дороге будьте внимательны, автобус могут обстрелять снайперы. Если до Лефортово доедем живыми, значит всё будет в порядке”. Он стиснул меня в своих могучих объятиях, а затем помог сесть в автобус. Ачалова, Баранникова и Дунаева рассадили по легковушкам, которые в сопровождении милицейских машин выехали со двора. Тронулся и наш автобус.

Дворами мы выехали на Садовое кольцо. При подъезде к пересечению с улицей им. Горького с чердаков домов, стоящих с левой от нас стороны, раздались пулемётные очереди. Мы дружно распластались по полу. Посыпались стёкла автобуса, машину кинуло в сторону. Двигавшаяся за нами машина врезалась в наш автобус. Движение оказалось перекрытым. Пули продолжали чиркать по асфальту. Навстречу нам в сторону Дома Советов двигалась огромная толпа людей с красными знамёнами и транспарантами.

— Надо остановить их перед мостом, здесь их расстреляют, — крикнул генерал Тарасов и попытался выйти из автобуса. Старший лейтенант преградил ему дорогу. Солдаты вскинули автоматы. Толпа в этот миг остановилась, об опасности её, видимо, кто-то предупредил. Мы решили двигаться назад. Там была дана команда везти нас в Лужники.

В Лужниках нас высадили у Ледового дворца. Начальник тамошнего отделения капитан милиции и человек пять его сопровождающих провели нас внутрь и усадили в кресла. Слева и справа расположились по несколько милиционеров и солдат с собакой. На противоположных трибунах сидели десятка три таких же как мы, в сумерках разглядеть их было невозможно. Ясно было одно: Лужники заранее были подготовлены для приёма задержанных депутатов и их сторонников. По типу и подобию государственного переворота в Чили, осуществлённого в своё время американскими спецслужбами. Всю ночь нас вызывали на допросы, предварительно “откатав пальчики”. Вели допросы курсанты старших курсов милицейских училищ Москвы и Саратова. Под утро пришёл прокурор района Парфёнов. Извинившись, он предложил перейти в другое место. Комната, куда нас поместили, была длинной, без окон, но тёплой.

— Здесь вы будете под особой охраной, мало ли, что может произойти. Нам приказано следствие не форсировать, — заявил прокурор Ленинского района Москвы.

На третьи сутки рано утром меня вызвали к тому же прокурору. Тихим голосом он спросил, есть ли у меня где укрыться, лучше в Подмоскowie. “Мы вас выпускаем, но передвигаться по Москве вам опасно, охотятся на вас. Мой товарищ, недавно смещённый с должности начальника районного отдела милиции, отвезёт вас куда скажете. Остальных предупредите об осторожности, они тоже все под прицелом”. Полковник милиции в отставке на своей старенькой “Волге” отвёз меня к скульптору Валентину Чухаркину на дачу. Через несколько дней жена передала мне три повестки на допрос. Начались нудные дни “подследственного, подозреваемого в попытке захвата власти”, затянувшиеся на несколько месяцев.

События тех дней мне снятся до сих пор. Часто вспоминается необычайная работа того последнего Съезда народных депутатов России. Все без исключения избранники, оставшиеся верными наказам своих избирателей, трудились сутками, согласованно и предельно ответственно, проявляя необычайную заботу друг о друге. Поистине, беда на Руси всегда сплывала русских, делала добрее и милосерднее!

Не могу без трепетного волнения вспоминать многие трогательные и забавные эпизоды той блокадной поры. Поделюсь лишь одним, на первый взгляд мелочным и сугубо личным, но по сути своей раскрывающим облик русского человека. Молодая и красивая Мария Сорокина, журналист из Липецка, в своё время за необоснованную критику первого секретаря горкома партии исключалась из КПСС. Она много раз обращалась в различные инстанции с просьбой разобраться в её конфликте с местной властью. Мне, куратору Липецкой парторганизации в ЦК, было поручено рассмотреть её жалобы. На работе и в партии её восстановили, но со строгим партийным взысканием. Это решение её не удовлетворило, и, когда начались выборы народных депутатов, она использовала свою обиду сполна. Ельцина она поддерживала активно и напористо, как борца за справедливость и поборника демократии. Особенно, когда была его доверенным лицом на первых президентских выборах в России. И он проявлял к ней благосклонность. При каждой встрече на съездах Мария Ивановна непременно и с гневом выговаривала мне свои обиды. В общем, была не только моим личным идейным противником, но и ненавистником КПСС, советской власти и всего остального, что у нас было. Но время действительно лучший лекарь, а разрушительные, антинародные и личные безобразные деяния Ельцина образумили Машу Сорокину. И не её одну.

В дни блокады в тёмном зале мы обсуждали текущие дела. Я, угнетённый приступами стенокардии, полулежал в кресле. Из мучительной полудрёмы меня вывело прикосновение руки. Оглянулся, рядом Сорокина. Я попытался привстать. Она заботливо усадила меня в кресло.

— Вам, Иван Кузьмич, плохо. Возьмите, это нитроглицерин, на всякий случай, — тихо сказала Мария Ивановна, протягивая мне бумажный пакетик. И ещё, — застенчиво произнесла эта несгибаемая женщина, — подкрепитесь немножко. И протянула мне ломтик куриного мяса, завёрнутый в чистый листок бумаги. Больше у нас ничего не осталось, — извиняясь, произнесла она.

Ком горькой обиды на себя, на коллег моих, так бездарно позволивших вогнать в метания и безысходность не только Машу Сорокину, но и всех наших соотечественников. И в то же время волна тёплой благодарности и непоколебимой веры непременно в лучшее, навеянные этим простым человеческим поступком, полным нежности и благородства истинно русской женщины, заполнила все поры моего тела и души.

С того момента минуло четверть века. Наша повседневная жизнь своими реалиями неумолимо напоминает о самых разнообразных и трудно объяснимых фактах нашей жизни каждый день. И непременно пробуждает вопрос: “А почему произошло это опять у нас и так варварски, кроваво и разрушительно..?”

Мне кажется, что ближе всего к ответу на подобного рода вопросы подводит другой эпизод, случившийся в те роковые дни и тоже сотрясающий душу и тело, но зарядом совершенно иного свойства.

Я имею в виду выступление Валерии Новодворской, тоже женщины с российскими корнями и российским гражданством, но с совершенно иными, чем у Марии Сорокиной, и душой, и чувствами, и совестью, и нравами. Эта ярая

“правозащитница” говорила тогда на весь мир: “Я желаю тем, кто собрался в Белом Доме, одного: смерти! Я жалела и жалею только о том, что кто-то из Белого Дома ушёл живым. Чтобы справиться с ними, нам понадобятся пули. Нас бы не остановила и большая кровь... Они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов... не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос — омонцовцев. Они исполняли приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами... Мы предпочли убить и даже нашли в этом моральное удовлетворение”.

Эти откровения неистовой ельцинистки тут же опубликовал тогда в журнале “Огонёк” её единомышленник Виталий Коротич, сославшись на то, что статья эта написана от имени 42 русских интеллигентов, которые 5 октября 1993 года обратились с письмом к Ельцину. Обращение подписали А. Адамович, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, А. Борщевский, Б. Васильев, А. Гельман, Д. Гранин, Ю. Давыдов, А. Дементьев, Р. Казакова, С. Каледин, Ю. Карякин, Я. Костюковский, Т. Кузовлева, А. Кушнер, Ю. Левитанский, А. Нуйкин, Б. Окуджава, А. Приставкин, Ю. Черниченко, М. Чудакова и другие.

Эти “русские интеллигенты” обозвали истинных патриотов и защитников демократии “красно-коричневыми оборотнями”, “ведьмами”, “хладнокровными палачами”, “убийцами”... Своей разъедающей наше общество ядовитой слюною они испачкали таких чистых тружениц и красавиц России, как прокурор Светлана Горячева, селекционер Тамара Пономарёва и искусствовед Вера Бойко, как славная дочь корякского народа поэтесса Нина Солодякова, чукчанка врач Майя Эттырынтына, немка директор совхоза из Кургана Ольга Чистых, марийка председатель колхоза из Саратова Зоя Ойкина, а заодно с ними и космонавтов дважды Героя Советского Союза Виталия Севастьянова и Героя СССР Андрияна Николаева, известного судью из Подмосковья Юрия Слободкина, журналиста из Брянска Юрия Лодкина, священнослужителя из Твери Алексея Злобина, рабочих Наталью Площенко и Александра Бира, Председателя Верховного Совета Карелии Виктора Степанова и блистательно-го педагога из Курска Ивана Болотова и многих, многих других истинных сынов и дочерей нашего народа, изо дня в день трудившихся в городах и всях необъятной России на благо нашего Отечества. Обесчестили эти “русские интеллигенты” их только за то, что они, увидев смертельную опасность для страны, в очередной раз нахлынувшую от наших извечных недругов, сплотились и грудью встали за порядок и справедливость, дружно сказав решительное нет разрушителям и мерзким пачкунам.

К этим чистым и праведным патриотам так называемые “русские интеллигенты” присоединили таким образом и сотни убиенных добровольцев, пришедших по зову сердца защищать от варваров и мародёров народную власть. В свойственной манере нечестивцев они перепутали всё и вся. Как будто не тела тех сотен честных патриотов, добровольно пришедших на защиту российской демократии, раздавленных гусеницами танков и расстрелянных пулемётными очередями в те октябрьские дни и ночи, скрытно увозили от Дома Советов в закрытых машинах и баржах по реке Москве неведомо куда и тайком сжигали в крематориях столицы и Подмосковья, а трупы истинных виновников и палачей Ельцина, Грачёва, Ерина, Черномырдина, Гайдара, Козырева и других властолюбцев, учинивших кровавую бойню.

Своими призывами: “Борис Николаевич, раздавите эту гадину”, то есть избранную всем нашим народом власть, эти зловещие демагоги не дают и не дадут покоя всем думающим о судьбах нашей страны и её народов, и никогда не посетят семени примирения, несмотря ни на какие зовы власти о “толерантности”, “единстве общества”, “гражданском согласии” и директивном “патриотизме”...

Простить те злодеяния, как и те бесчеловечные вопли, невозможно. Ибо они не из русского мира, собравшего своими благостями почти двести разноплеменных народов в единую братскую семью равных и достойных. Они из мира разрушителей, сатанистов. Над ними нужен суд. Суд права, суд истории, суд нашей национальной совести.